

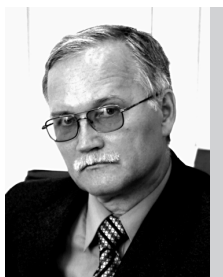
УДК 329

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СУЩНОСТИ БОЛЬШЕВИЗМА: ПЕРЕХОД К ПАРАДИГМЕ МОБИЛЬНОСТИ (К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ)*

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
кафедра политических наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В статье рассматриваются методологические проблемы концептуального моделирования сущности большевизма. Выделяются радикально-критические оценки большевизма, а также – социокультурные подходы к его теоретическому анализу. Авторы утверждают, что переход к парадигме мобильности позволяет раскрыть новые аспекты социально-политической сущности большевизма, ответить на вопрос о причинах его исторических успехов и поражений.

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 15–19–6–1 «Разработка концепта мобильности в современных гуманитарных и социально-политических исследованиях: теоретико-методологический анализ».

Ключевые понятия:

большевизм, концептуальное моделирование, модернизация, утилитаризм, парадигма мобильности, мобилизационный тип развития, социальная мобильность.

В год 100-летней годовщины Октябрьской революции 1917 года в России и за рубежом заметно активизировалась научно-исследовательская деятельность в области теоретического осмысления сущности большевизма. Ранее пик интереса к построению смысловых теоретических моделей большевизма пришелся на конец 1980-х – начало 1990-х гг., а именно, на то время, когда в стране происходила радикальная ломка советских идеологических стереотипов и возникали альтернативные официальной советской гуманитарной науке концептуальные версии большевизма [6; 14].

По сути, в годы «перестройки», а также в начале 1990-х гг., в сознании политически активных кругов российской интеллигенции произошел заметный инверсионный поворот: на смену революционно-романтическому образу большевизма, с которым ассоциировались идеалы социализма, победы и достижения советской власти, пришел его инфернальный образ. Большевизм стал рассматриваться как носитель вселенского зла и анти-гуманизма, как источник тоталитаризма и массового террора. В ход был пущен мем: «большевизм-чума XX века» [11]. Большой популярностью в тот период стали пользоваться труды русского философа И. А. Ильина, в которых большевизм трактовался как крайняя форма духовной деградации, как «дух отрицания и разложения, дух грабежа и террора» [10].

В наше время в кругу радикальных критиков большевизма оказались как представители неолиберального течения, так и приверженцы консервативно-патриотического крыла российской интеллигенции. С точки зрения неолибералов, большевизм – это, прежде всего, преступная политическая практика, насаждающая обществу, вопреки принципу свободной буржуазной конкуренции, государственную форму собственности; это – тотальное социальное насилие, попрание прав и свобод, направленное на переделку человеческой природы и формирование личности советского типа (в терминологии неолибералов – «совка»). В неолиберальной версии большевизм – это господство преступной и лживой марксистско-ленинской идеологии, навязываемой обществу правящей коммунистической партией. Отсюда – упование неолибералов на очистительную силу политики декоммунизации, а также – их горькое сожаление о том, что данная политика так до конца и не была проведена в постсоветской России [20].

В идейно-практическом плане стратегия декоммунизации России проявилась в курсе на вытеснение из массового общественного сознания даты 7 ноября 1917 года как маркера всемирно-значимого события, обозначаемого в советские годы понятием «Великая Октябрьская социалистическая революция». В русле указанной стратегической установки в 2004 г. дата главного советского государственного праздника 7 ноября подверглась стыдливой переинтерпретации: день 7 ноября превратился в празднование годовщины московского военного парада 1941 года. Кроме того, в целях размывания национальной памяти об историче-

ском содержании даты 7 ноября в декабре того же года был учрежден новый государственный праздник «День народного единства», приуроченный к близкой по хронологии дате – 4 ноября. Предложение о замене 7 ноября на новый праздник было высказано Межрелигиозным советом России и получило поддержку со стороны думского Комитета по труду и социальной политике. Согласно официальной версии, праздничная дата была учреждена в память о событиях 1612 года, когда народное ополчение Минина и Пожарского освободило Москву от польских интервентов [5].

В период 2005–2007 гг. в продолжение реализации курса на декоммунизацию по инициативе группы депутатов государственной Думы была развернута активная деятельность по очищению атрибутики государственной власти от большевистской символики. Данный процесс затронул и такую реликвию России, как Знамя Победы 1945 г. [21]. Однако под влиянием протестов советов ветеранов Великой Отечественной войны верхняя палата Законодательного Собрания РФ отклонила данное предложение, и законопроект был возвращен в Госдуму, но та преодолела вето Совета Федерации квалифицированным большинством [21].

В начале 2007 года законопроект «О Знамени Победы» поступил на подпись Президенту России, который счёл необходимым провести дополнительные консультации, о чем и сообщил в своём письме в Думу. В итоге 25 апреля 2007 г. Госдума, признала, что предложение о замене серпа и молота на Знамени Победы на новую идеологически нейтральную символику было исторически неоправданным [21].

Радикальное отрицание большевизма и связанного с ним советского наследия характерно также для представителей российских консервативно-монархических кругов, которые ностальгируют по временам императорской России. Сторонники данного направления трактуют правление императора Николая II как подлинно народное, справедливое и гуманное, а власть большевиков – как подлое попрание принципов нравственности и кровавый антинародный режим.

Консервативно-монархическая версия большевизма в настоящее время представлена как в форме философско-публицистических размышлений об антинациональной и радикально антихристианской природе большевизма [1], так и в виде далеких от научного анализа популистских высказываний, размещенных на некоторых сайтах государственных служащих и официальных лиц. Так, к примеру, Интернет-портал «Российская символика» открывается следующим, весьма необычным по своей стилистике, экскурсом в российскую историю г-на Г.В. Вилинбахова – государственного герольдмейстера, Председателя Геральдического совета при Президенте Российской Федерации: «В то время правил нашей страной царь Николай II. Был он государь добрый, не хотел верить, что есть на свете злые люди, что хотят они делать подлости, что готовы на жестокость и предательство. А люди такие были. Назывались они – революционеры или большевики. Ничто им было не дорого – ни страна наша, ни народ наш. Хотели они только одного – царя свергнуть и самим начать властвовать». «И воцарилась над нашей страной жуткая власть большевистская (цитируется в орфографии автора) – власть беспощадная, власть кровавая» [18].

В консервативно-монархической идейной схеме образ В. И. Ленина, предстает в качестве совершенно отвратительного исторического персонажа, обладающего сходными чертами с «извергом XX века» А. Гитлером [12]. В итоге между большевизмом и национал-социализмом ставится знак тождества.

Следует отметить, что в условиях современной информационной войны отождествление большевистского и национал-социалистического режимов превращается в инструмент манипулирования массовым сознанием, посредством которого из коллективной исторической памяти вытесняется позитивный образ Советского Союза как страны-победителя во Второй Мировой войне. На его смену приходит эмоционально-отталкивающий образ «оккупационного советского режима». Технология замены образов на противоположные по своим оценочным характеристикам сегодня активно используется Институтами национальной памяти в государствах Восточной Европы [15]. Посредством данной технологии в массовое сознание настойчиво внедряется представление о бесчеловечной, насильственной и террористической природе большевизма и созданного им советского строя.

В современной ситуации, когда обостряется дискурсивное противостояние относительно способов интерпретации сущности и практики большевизма, актуализируется вопрос о выработке новых теоретико-методологических подходов к осмыслению большевизма, о создании такой концептуальной модели большевизма, которая смогла бы стать серьезной альтернативой широко распространенным идеологически-предвзятым образам большевизма.

Процесс концептуального переосмысления большевизма предполагает использование и творческую переработку накопленного в последние годы опыта применения новых методологических подходов к выявлению сущностных черт данного феномена. Один из таких подходов, на наш взгляд, был разработан А. С. Ахиезером, создавшим теоретическую модель культурно-исторической динамики России, в рамках которой большевизм стал рассматриваться как идейно-политическое движение, направленное на преодоление социокультурного раскола, характерного для российской многовековой истории.

Исходной методологической установкой при осмыслении сущности большевизма для А. С. Ахиезера стала идея об инверсионном характере (маятниковом переходе от одной крайности к другой) российской социокультурной жизни, в основе которой лежит базовый цивилизационный раскол между ценностями традиционного общества с доминантой идеалов соборности и архаики, с одной стороны, и либеральными ценностями западного мира с доминантой идеалов модернизационного развития и авторитаризма, – с другой. Большевизм, согласно позиции Ахиезера и его единомышленников, как раз и оказался тем социокультурным актором, который в начале XX века предпринял амбициозную попытку преодоления данного цивилизационного раскола посредством приспособления инверсионного характера российской социокультурной динамики к своим политическим интересам. Большевизм предložил расколотому российскому обществу собственную модель цивилизационного консенсуса, основанную на гибком соединении народного идеала соборности, переформатированного в идеалы коммунизма, с ценностными установками на модернизацию общественной жизни, получивших реализацию в большевистском курсе на социалистическую

индустриализацию [2, с. 529]. Большевикам в ходе их политической практики удалось, вполне успешно, соединить массовую традиционную культуру с идеалами модернизации, сделав при этом свою партию новым социальным медиатором, уравновешивающим ценностные ориентации разных общественных слоев.

Главная сущностная черта большевизма, согласно Ахиезеру и его сторонникам, – это *утилитаризм*, то есть использование архаичных сторон народного сознания для реализации собственного проекта модернизации России и сохранения ее как большого общества посредством использования определенных институтов власти, а также – единой для всех господствующей идеологии [2, с. 453].

Утилитаризм как сущностное свойство большевизма проявлялось в самых разных формах, в частности, в стремлении приспособить многие черты православной схоластики, русского язычества, а также специфическую религиозность русской радикальной интеллигенции к собственным задачам завоевания и удержания власти [4]. Присутствие утилитаристского начала в большевизме подтверждается, к примеру, высказываниями Л. Троцкого, который писал о В.И. Ленине следующее: «Это был самый, может быть, напряженный утилитарист, какого когда-либо выпускала лаборатория истории. Но так как его утилитаризм – широчайшего исторического захвата, то личность от этого не сплющивалась, а, наоборот, по мере роста жизненного опыта и сферы действия непрерывно развивалась и обогащалась» [7, с. 19].

Утилитаризм как неотъемлемая черта большевизма экстраполируется последователями А.С. Ахиезера на весь период сталинизма, где он окончательно приобретает характер манипулятивной и гибкой идеологической конъюнктуры. По их мнению, сталинский утилитаризм – это, прежде всего, идеологический утилитаризм или особая технология конъюнктурной манипуляции идеалами [3].

Концепция утилитаристской сущности большевизма в определенной степени объясняет, почему большевикам удавалось на протяжении многих десятилетий находиться у власти и сохранять привлекательность советского строя. Вместе с тем, на наш взгляд, данная концепция таит в себе соблазн теоретической редукции сути большевизма к популизму, манипулятивным практикам и политической конъюнктуре, что может в итоге привести к упрощенному пониманию такого многопланового и динамичного явления, каким является большевизм.

Важным шагом в сторону углубления исследовательского анализа сущности большевизма, с нашей точки зрения, является методологический переход к парадигме мобильности [13; 16], которая, как нам представляется, позволяет объяснить управленческие инновации и достижения большевистской партии в разные периоды советской истории. Парадигма мобильности рассматривается нами в тесной связи с концептом «мобилизационный тип развития» (МТР), который используется многими современными исследователями при анализе особенностей российской цивилизационной динамики, включая динамику развития общества в советский период [17].

МТР предполагает, что главным инструментом ускоренного развития общества является социальная мобилизация. В советское время, в особенности в сталинский период, социальная мобилизация являлась универсальным инструментом управления общественной активностью, способом извлечения и использования режимом всех видов ресурсов (людских, материальных, финансовых и др.) [17, с. 5]. К числу мобилизационных кампаний, регулярно про-

водившихся в эпоху сталинской модернизации, относятся кадровые кампании, связанные с дефицитом специалистов («спецов») и управленцев, что на практике приводило к принудительным их «переброскам» на различные «ударные стройки» первых пятилеток. В процессе развития мобилизационных социальных практик большевикам удалось сформировать уникальную систему мобильных коммуникаций, которая позволила осуществить в крайне сжатые сроки модернизацию советского общества.

Таким образом большевизм взял на себя осуществление функции главного драйвера амбициозного проекта радикальной модернизации страны, реализация которого потребовала крайней степени напряженности и мобильности человеческих и материальных ресурсов. Великие стройки первых пятилеток – это, по сути, мобильные «хабы» индустриализации. Они концентрировали, перерабатывали и перераспределяли с огромной скоростью потоки рабочей силы, трудовых резервов, «спецов», управленческих кадров, потоки сырья, строительных материалов и технического оборудования. В период великих строек первых советских пятилеток именно мобильность как воплощение скоростного продвижения к новому, как реализация подвижности высочайшего уровня стала настоящим символом времени. Не случайно на церемонии открытия XXII зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. во время красочного шоу, представляющего разные периоды истории России, период индустриализации иллюстрировался композицией с быстро вращающимися огромными колесами под музыку Георгия Свиридова «Время вперед!» [9]. Созданная большевиками в период индустриализации система «мобильных кадров» и транспортных узлов дала возможность в начале Великой Отечественной войны оперативно осуществить переброску производственных ресурсов с Запада на Восток страны, что, в конечном счете, создало предпосылки для победы СССР в войне.

Опора на принцип мобильности – вот что, с нашей точки зрения, является одной из характерных черт большевизма как идейно-политического движения и руководящей силы социалистического строительства в СССР. С позиции парадигмы мобильности большевизм трактуется нами как политическая сила, «подключающая» к своим Большим преобразовательным и мобильно-реализуемым проектам огромные массы людей. Ощущение причастности к великим стройкам века, к скоростному тренду времени умело использовалось большевиками для высвобождения энергии масс и формирования устойчивых традиций социалистического энтузиазма. В данном случае, по нашему мнению, четко просматривается взаимосвязь таких сущностных черт большевизма, как мобильность и утилитаризм.

Стратегия мобильности применялась большевиками не только в эпоху индустриализации, но и в последующие исторические периоды. Так, согласно китайской исследовательнице советской истории Хуан Лифу, на период существования СССР пришлось три волны социальной мобильности: сталинская, хрущевская и брежневская [19]. Говоря о волнах мобильности в Советском Союзе, автор в то же время вполне справедливо отмечает, что уже в сталинский период внутри стратегии мобильности обнаруживались противоречивые тенденции. С одной стороны, вновь созданные каналы социальной мобильности давали значительной части населения возможность повышения своего социального статуса (вертикальная мобильность). Но, с другой стороны, поскольку эти ка-

налы жестко регламентировались со стороны государства, энергия мобильности могла вливаться только в строго отведенные для нее русла. Установка на жесткий контроль за социальным продвижением «противоречила стремлению новых динамичных сил и формирующихся элитных групп реализовать свои способности и добиться более высокого статуса в социальной и экономической сферах» [19]. После Второй мировой войны прежние каналы социальной мобильности стали постепенно сужаться, а новые не возникали. «Это затрудняло социальное продвижение в обществе, и людям приходилось, испытывая растущее ощущение тупика и неудовлетворенности, подолгу «стоять в очередях», чтобы сделать карьеру» [19].

В эпоху Брежнева наблюдается заметное угасание мобильных инициатив «сверху», существенное замедление темпов вертикальной мобильности, связанное с блокировкой карьерных каналов старыми кадрами, и как следствие всего этого – спад мобильного энтузиазма «снизу». Данный феномен получил отражение в политической метафоре «эпоха застоя».

В период горбачевской перестройки была предпринята попытка реанимации большевистской стратегии мобильности, которая олицетворялась в метафоре «ускорение», а также – в курсе на установление режима гласности. К расширению сферы мобильности следует отнести также появление возможностей для создания неформальных общественных объединений, коммерческих кооперативов, образования фракционных групп внутри КПСС. Вместе с тем, процесс развития мобильности в эпоху перестройки сопровождался стремительной утратой рычагов контроля над ее новыми проявлениями со стороны правящей партии. В итоге мобильность стала приобретать неуправляемый характер, а ее энергия начала вырываться из стратегически обозначенного большевиками социалистического и коммунистического русла, начав прокладывать себе альтернативные маршруты в направлении конструирования либеральной модели общества. Неудачная попытка вернуть контроль КПСС над мобильными потоками в августе 1991 года привела к еще большему расшатыванию контрольных механизмов и к открытию широкого простора для либеральной мобилизации масс. Большевистский проект социалистической мобилизации, таким образом, завершил свое существование, разрушив изнутри самого себя. Принцип мобильности, позволявший большевикам долгие годы реализовывать свои стратегические планы, обернулся теперь уже против них самих.

1. Аксютин Виктор. Правда о большевизме // http://rus-mir.org/publ/pravda_o_bolshevizme_viktor_aksjuchic_chast1/1-1-0-22.

2. Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 610 с.

3. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 3-е изд., испр. и доп. – М., 2013 // <http://e-libra.ru/read/217106-istoriya-rossii-konec-ili-novoe-nachalo.html>.

4. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) – Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей 1909–1910 (Сост. Н. Казакова). М.: Молодая гвардия, 1991. – 462 с.

5. День народного единства 2016: история праздника // <http://sputnik->

ossetia.ru/spravka/20161102/3251462.html.

6. Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Русские о большевизме: опыт аналитической антологии / Ин-т философии РАН, Центр теорет. пробл. рос. реформаторства. – СПб.: Изд-во Рус. Христан. гуманист. ин-та, 1999. – 439 с. С. 54–56.

7. Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты – М.: Политиздат, 1991. – 463 с.

8. Морозов Н. М. Мобилизационный тип развития Российской цивилизации // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. – 2011. – № 2. С. 175–184.

9. Олимпиада в Сочи открыта // <http://rusplt.ru/policy/olimpiada-v-sochi-otkryita-7956.html#>.

10. Памяти профессора Ивана Ильина: Что дало России православное христианство. Сущность большевизма // <http://internetsobor.org/stati/stati/pamyati-ivana-ilina-cto-dalo-rossii-pravoslavnoe-khristianstvo-i-sushchnost-bolshevizma>.

11. Подвиг революционера в период реакции // <http://www.rosbalt.ru/blogs/2012/05/24/984556.html>.

12. Поклонская причислила Ленина и Гитлера к списку «извергов XX столетия» // Аргументы и факты. 03.11.2016 // http://www.aif.ru/society/history/poklonskaya_prichislila_lenina_i_gitlera_k_spisku_izvergov_xx_stoletiya.

13. Русаков В. М., Русакова О. Ф. Философия мобильности в современном мире // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 10–18.

14. Русакова О. Ф. Анатомия большевизма: отечественный опыт концептуального осмысления. Екатеринбург: УИФ «Наука»; 1993. – 237 с.

15. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Агональный дискурс современной политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 10–19.

16. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Парадигма мобильности в современном политическом медиадискурсе // Вопросы политологии. 2016. № 4 (24). С. 79–87.

17. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): Коллективная монография / Н. Б. Арнаут, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Д. Д. Миненков, Л. И. Пыстина, Л. И. Сосковец, А. Г. Тепляков, Н. Д. Троценко, С. Н. Ушакова, О. В. Шер; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2013. – 419 с. // <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2013socmob.pdf>.

18. Страшная сказочка от государственного портала // <http://www.yaplakal.com/forum7/topic1572355.html>.

19. Хуан Лифу. Почему советские люди «перестали дорожить» советским государством? Централизованная система распределением общественных ресурсов в СССР // <http://voencomuezd.livejournal.com/613231.html>.

20. Ципко А. С. Критика большевизма и «красного проекта» // <http://tsipko.ru/category/критика-большевизма-и-красного-проекта>.

21. http://rapsinews.ru/legislation_publication/20170511/278536199.html#ixzz4ql0XG4ye.

References

1. Aksyuchic Viktor. Pravda o bol'shevizme // http://rus-mir.org/publ/pravda_o_bolshevizme_viktor_aksyuchic_chast1/1-1-0-22.

2. Axiezer A. S., Davydov A. P., Shurovskij M. A., Yakovenko I. G.,

Yarkova E.N. Sociokul'turnye osnovaniya i smysl bol'shevizma. Novosibirsk: Sibirskij xronograf, 2002. – 610 s.

3. Axiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. Istoriya Rossii: konec ili novoe nachalo? 3-e izd., ispr. i dop. – M., 2013 // <http://e-libra.ru/read/217106-istoriya-rossii-konec-ili-novoe-nachalo.html>.

4. Bulgakov S.N. Geroizm i podvizhnichestvo (Iz razmyshlenij o religioznoj prirode russkoj intelligencii) – Vexi; Intelligenciya v Rossii: Sbornik statej 1909–1910 (Sost. N. Kazakova). M.: Molodaya gvardiya, 1991. – 462 s.

5. Den' narodnogo edinstva 2016: istoriya prazdnika // <http://sputnik-ossetia.ru/spravka/20161102/3251462.html>.

6. Kara-Murza A.A., Polyakov L.V. Russkie o bol'shevizme: opyt analiticheskoj antologii / In-t filosofii RAN, Centr teoret. probl. ros. reformatorstva. – SPb.: Izd-vo Rus. Xristan. gumanit. in-ta, 1999. – 439 s. С. 54–56.

7. Lunacharskij A., Radek K., Trockij L. Silue'ty: politicheskie portrety – M.: Politizdat, 1991. – 463 s.

8. Morozov N.M. Mobilizacionnyj tip razvitiya Rossijskoj civilizacii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. – 2011. – № 2. S. 175–184.

9. Olimpiada v Sochi otkryta // <http://rusplt.ru/policy/olimpiada-v-sochi-otkryta-7956.html#>.

10. Pamyati professora Ivana Il'ina: Chto dalo Rossii pravoslavnoe xristianstvo. Sushhnost' bol'shevizma // <http://internetsobor.org/stati/stati/pamyati-ivana-ilina-cto-dalo-rossii-pravoslavnoe-khristianstvo-i-sushchnost-bolshevizma>.

11. Podvig revolyucionera v period reakcii // <http://www.rosbalt.ru/blogs/2012/05/24/984556.html>.

12. Poklonskaya prichislila Lenina i Gitlera k spisku «izvergov XX stoletiya» // Argumenty i fakty. 03.11.2016 // http://www.aif.ru/society/history/poklonskaya_prichislila_lenina_i_gitlera_k_spisku_izvergov_xx_stoletiya.

13. Rusakov V.M., Rusakova O.F. Filosofiya mobil'nosti v sovremennom mire // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 10–18.

14. Rusakova O.F. Anatomiya bol'shevizma: otechestvennyj opyt konceptual'nogo osmysleniya. Ekaterinburg: UIF «Nauka»; 1993. – 237 s.

15. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Agonal'nyj diskurs sovremennoj politiki pamyati // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 10–19.

16. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Paradigma mobil'nosti v sovremennom politicheskom mediadiskurse // Voprosy politologii. 2016. № 4 (24). S. 79–87.

17. Social'naya mobilizaciya v stalinskom obshchestve (konec 1920-x – 1930-e gg.): Kollektivnaya monografiya / N.B. Arnautov, S.A. Krasil'nikov, I.S. Kuznecov, D.D. Minenkov, L.I. Pystina, L.I. Soskovec, A.G. Teplyakov, N.D. Trocenko, S.N. Ushakova, O.V. Sher; Novosib. gos. un-t. – Novosibirsk, 2013. – 419 s. // <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2013socmob.pdf>.

18. Strashnaya skazochka ot gosudarstvennogo portala // <http://www.yaplakal.com/forum7/topic1572355.html>.

19. Xuan Lifu. Pochemu sovetskie lyudi «perestali dorozhit» sovetskim gosudarstvom? Centralizovannaya sistema raspredeleniem obshchestvennyx resursov v SSSR // <http://voencomuezd.livejournal.com/613231.html>.

20. Cipko A.S. Kritika bol'shevizma i «krasnogo proekta» // <http://tsipko.ru/category/kritika-bol'shevizma-i-krasnogo-proekta>.

21. http://rapsinews.ru/legislation_publication/20170511/278536199.html#ixzz4ql0XG4ye.

UDC 329

PROBLEMS OF CONCEPTUAL MODELING OF ESSENCE OF THE BOLSHEVISM: TRANSITION TO A MOBILITY PARADIGM (TO 100TH ANNIVERSARY OF THE GREAT OCTOBER)

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of philosophy,
Doctor of Political Sciences, Professor,
President of the International Academy of Discourse Research (IADR),
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Department of political science
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

In the article methodological problems of conceptual modelling of essence of the Bolshevism are considered. Considerably-critical estimations of the Bolshevism, and also – social-cultural approaches to its theoretical analysis are allocated. Authors assert, that transition to a mobility paradigm allows to open new aspects of sociopolitical essence of the Bolshevism, to answer a question on the reasons of its historical successes and defeats.

Key concepts:

bolshevism, conceptual modelling, modernization, utilitarizm, a mobility paradigm, mobilization type of development, social mobility.
